

(события) его пути, даже допуская возвратное движение по реальной последовательности событий - элементов коллекции. Этот факт позволяет конструировать жизнь исторической личности всякий раз *de novo*, поэтому историческое время трансференции конституируется в форме “элохе”, а личность играет роль эпонима культуры.

Итак, онтологическая укорененность исторического времени в бытии открывается в понятии индивидуальной формы историчности. Индивидуальная форма историчности выражает механизм осуществления человеком собственной историчности и специфические модусы темпоральности человеческого бытия. Исторический хронотоп человеческого существования неоднороден и включает в себя такие архитектурные элементы как археонический, экзистенциальный, социокультурный, каждому из которых присуща специфическая темпоральность осуществления. Символическим выражением временных модусов истории можно считать *архе*, *кайрос* и *коллекцию*.

Библиографический список

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1992. Т. 1.
2. Кант И. Критика чистого разума. Серия “Философское наследие”. М., 1994.
3. Зиммель Г. Избранное. М., 1996. Т. 1.
4. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
5. Руднев В. Морфология реальности. М., 1996.
6. Гегель Г. Сочинения. М., 1937. Т. 5.
7. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
8. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1.
9. Конев В.А. Декартовы и Дантовы координаты (или проблема определения человека) // Философия культуры-95. Самара, 1995.
10. Тиллих П. Избранное. Типология культуры. М., 1995.
11. Августин А. Исповедь. Пер. с лат. М.Е. Сергеенко. М., 1991.
12. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

А.Н. Перла (Самара)

ИССЛЕДОВАНИЕ БУДУЩЕГО И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

В последние десятилетия научные исследования будущего человеческого общества стали неотъемлемой частью социальных наук. Несмотря на то, что многие исследователи вслед за Карлом Поппе-

ром продолжают утверждать, что научное предвидение будущего невозможно, футурология прочно заняла место в ряду гуманитарных дисциплин. Появление классических футурологических исследований, таких как "Футурошок" Алвина Тоффлера и работ Римского клуба, видимо, сняли вопрос о праве футурологии на существование. Но до сих пор, однако, футурология не была всерьез осмыслена в рамках каких-либо философских концепций. Таким образом, футурология вынуждена обходиться без методологии. Между тем, очевидно, что само существование футурологии возможно только в рамках определенного мировоззрения.

Целью этих заметок является показать, что на сегодня существование научных исследований будущего возможно в рамках только двух философских систем - позитивизма и экзистенциализма. Фактически, все созданные до сих пор произведения футурологов так или иначе соотносились именно с этими философскими направлениями. Разумеется, научные исследования будущего возникали также в рамках такой глобальной философской системы как марксизм. Однако марксистские исследования будущего, в сущности, имеют сравнительно мало общего с тем явлением, которое принято называть футурологией. Дело в том, что, хотя в рамках марксизма вполне возможно появление прогностических исследований, марксисты не могут позволить себе делать предположения, относящиеся к глобальным изменениям истории и социальной структуры общества. С точки зрения этой философской системы, единственно возможный глобальный прогноз был уже сделан Карлом Марксом, и поэтому прогнозирование направленности исторического развития больше не может считаться научной задачей. Господствовавшая в нашей стране школа советского марксизма не позволяла усомниться ни в верности самого прогноза, ни в возможности прогнозирования. Именно поэтому отечественные исследователи успешно теоретизировали по поводу локальных социальных прогнозов и накопили богатый опыт создания подобных исследований, но не занимались собственно футурологией.

Однако несмотря на все успехи отечественных футурологов вплоть до самого недавнего времени они находились как бы на обочине развития научного прогнозирования. Между тем, в европейской философии был накоплен богатый опыт осмысления проблемы социального будущего и возможностей исторического предвидения.

Мы можем рассмотреть экзистенциалистское отношение к будущему на примере известной работы Карла Яспера "Истоки истории и ее цель". Следует отметить, что в работе К. Яспера совмещается

исследование двух проблем социальной философии. Немецкий философ пытается определить, познаваемо ли социальное будущее и одновременно представляет свое видение путей развития человеческого общества.

Ясперс начинает свой анализ познаваемости будущего с утверждения, что концепция человеческого существования в истории немислима без единства прошлого, настоящего и будущего. Вся деятельность человека, по Ясперсу, определяется «прогнозирующим мышлением» (1.С.155). Более того, вне прогнозирующего мышления невозможно и видение настоящего, по крайней мере в рамках европейской культуры, утверждает Ясперс.

Однако принципиальная необходимость в познании будущего для самого существования человеческого общества не означает, по Ясперсу, что возможно построение верных научных представлений о грядущем миропорядке. С экзистенциалистской точки зрения, этому мешает следующее обстоятельство - будущее общества окажется именно таким, какие представления о нем будут сформированы в настоящем. В частности, в формировании человеческого общества XX столетия, по Ясперсу, сыграла значительную роль теория прогресса, которая «только в технике обретает свой подлинный смысл» (1.С.158). Как замечает Карл Ясперс, техногенное общество, созданное в результате доминирования теории прогресса в общественном сознании, поставило под угрозу само существование человека, так как способствовало возникновению авторитарных режимов, а в условиях террористических политических режимов человек может превратиться в нечто такое, о чем мы и не подозревали, замечает Карл Ясперс (1.С.161). Однако поскольку эта возможность диктуется прежде всего представлениями об общественном развитии, и лишь затем самой реальностью развития человеческого общества, трансформации человека в нечто ужасное, подчиненное государственной машине и лишенное подлинной индивидуальности, можно избежать. Для этого достаточно «сохранить веру в человека», т.е. внести коррективы в представления о прогрессе, о пути из прошлого и настоящего в будущее.

В рамках своей книги Ясперс, разумеется не только предлагает этот рецепт, но строит свой собственный прогноз, основанный на ощущении индивидуальности человека как величайшей ценности. Однако стремление совместить абсолютную свободу человека в выборе своего пути с историческим прогнозированием дает странный результат - сам по себе «прогноз» Ясперса не имеет никакой ценности. В нем слишком много «если», слишком много отказа от детерми-

нированности исторического развития в пользу свободы человеческой воли. Правда, рассуждения философа имеют смысл в рамках его книги в целом. Утверждая веру в человека, его способность противостоять насилию в качестве парадигмы исторического развития, Ясперсу удается доказать самому себе и своим читателям, что история в целом имеет смысл трансцендентный относительно исторических событий.

Таким образом, исследование будущего в рамках экзистенциализма неизбежно есть исследование субъективного будущего, это не столько исследование будущих социальных явлений, сколько должного отношения к ним. Переживание будущего оказывается важнее тех объективных факторов, которые влияют на его создание, поскольку человек, по Ясперсу, волен изменить фактически любые факторы.

В противоположность этому, в рамках позитивистского анализа от исследователя требуется максимальная объективация подхода. С этой точки зрения, идеальное прогностическое исследование вообще должно быть лишено всякой личностной составляющей. Исследователь должен всячески избегать выражения собственного отношения к будущим событиям, его дело - просто фиксировать господствующие тенденции. Естественным следствием такого подхода оказывается признание невозможности научного исследования будущего, так как в распоряжении исследователя никогда не может быть всей совокупности факторов, влияющих на историческое развитие. Развивая эту мысль, Карл Поппер даже предлагал рассматривать историю не как совокупность фактов, поддающуюся анализу, а как один "огромный факт", который не с чем сравнить и невозможно исследовать (2.С.63). Однако именно потому, что философский позитивизм слишком часто отрицал саму возможность исследований будущего в связи с недостаточностью данных для обобщения, а также потому, что в рамках позитивизма принято отрицать всякую идеологизацию исследования, реальные футурологи, стоящие на позициях позитивизма, оказались в значительно большей степени, чем экзистенциалисты, зависимы от существующих в обществе ценностных ориентаций.

Тот факт, что позитивисты, обращаясь к реальному исследованию будущего, фактически отказываются от концепции неидеологизированного исследования, подтверждается на наш взгляд, следующим обстоятельством. В рамках онтологического исследования проблемы времени практически все философы - позитивисты сходятся на том, что "будущего" как объекта для исследования не существует и существовать не может. Известная метафора «есть только миг ме-

жду прошлым и будущим» в рамках позитивистской онтологии имеет буквальный смысл. Из этого утверждения они делают вывод о невозможности адекватного предсказания будущего. В качестве примера можно привести работу известного философа-неопозитивиста Г. Рейхенбаха "Направление времени". Рейхенбах предпринял попытку разделить "эмоциональное содержание времени" и его объективную суть (З.С.12). С субъективной точки зрения любого человека, не существует ни прошлого, ни будущего, пишет Рейхенбах. В своей жизни мы имеем дело лишь с "вечным настоящим". Эмоциональное переживание и определение отношение к этому "настоящему" и составляло, по Рейхенбаху, суть всех прошлых философских систем в той мере, в какой они обращались к исследованию времени. Именно поэтому до сих пор не создано ни одной удовлетворительной философской концепции времени, полагает Рейхенбах. Для того, чтобы они появились, необходимо отойти от переживаний настоящего, которые неизбежно связаны со страхом смерти и обратиться к физической сущности времени (З.С.15). С этой точки зрения будущего также еще не существует и оно отличается от прошлого "как неизменное от непознаваемого" (З.С.21).

Следует отметить, что в своей работе Рейхенбах оставляет возможность для исследований будущего в каком-либо виде в том случае, если удастся доказать, что будущее жестко детерминировано в рамках физических законов причинности (З.С.21). Таким образом, футурологу предлагается следующая альтернатива: либо будущее непредсказуемо и попытки предсказания есть не более чем ответ на общественную потребность, не имеющий отношения к науке, либо будущее жестко детерминировано и тогда любое предсказание должно претендовать на абсолютную точность.

Характерно, что, хотя большинство западных футурологических исследований, очевидно, находятся в рамках позитивистского анализа, концепция непознаваемости будущего не опровергается в рамках самих футурологических исследований - она просто игнорируется. Происходит это потому, что футурология отвечает своим существованием на вполне определенную общественную потребность. Исследований будущего не может не существовать в современном обществе вне зависимости от того, признано ли их право на существование в рамках методологических исследований. При этом в своей работе футуролог руководствуется не только известными объективными факторами развития общества (скажем, тенденциями развития определенных социальных групп), но и ценностными ориентациями, свойственными обществу, в котором существуют его исследования.

Само направление исследований будущего зависит от сформированных в обществе ценностных представлений.

С этой точки зрения, научная футурология отличается от экзистенциалистского предвидения только тем, что место личных ценностей философа в сознании исследователя занимают ценности, свойственные обществу, в котором он живет. Сколько бы исследователь ни клялся в своей непричастности к какой-либо идеологии, это на деле означает лишь, что он не причастен к ней сознательно. Это особенно ярко видно на примере классической футурологической литературы. На сегодня самой известной футурологической монографией можно считать «Футурошок» Алвина Тоффлера. Парадокс в том, что эта работа, в сущности, вообще не является исследованием в собственном смысле этого слова. Тоффлер стремился объяснить согражданам, как жить в обществе будущего, наступление которого, с его точки зрения, неизбежно. Концепция "предсказания" в его работе уступает место концепции "обучения будущему", т.е. формированию верного отношения к реальности, которая возникнет в обществе в исторически короткие сроки (4.С.13).

Сегодня очевидны как относительно неудача работы Тоффлера (она была написана в середине 70-х годов и значительная часть прямых прогнозов будущего общества, содержащихся в ней, оказались неверны), так и огромное влияние, которое ему удалось оказать на футурологию. В определенном смысле можно сказать, что все работы, созданные после "Футурошока" несут на себе отпечаток влияния Алвина Тоффлера. Для современных футурологов, имеющих дело с глобальными прогнозами, включающими в себя детальное описание общества, серьезно отличающегося от наличного, отношение к нарисованной ими картине, более важно, чем сами результаты исследования. Фактически, футурология отвечает не на вопрос, каким будет западное общество через определенный промежуток времени, а на вопрос, хорош или плох тот путь развития, который приведет социум из нынешнего состояния в прогнозируемое.

Именно поэтому автору «Футурошока» и его последователям совершенно нет нужды задуматься над вопросом, познаваемо ли будущее. Им вполне достаточно, что в обществе существует потребность в работах такого рода, скорее оценивающих направление развития, чем предсказывающих его. Общая тональность реальных футурологических исследований, таким образом, задается не результатами анализа, а субъективным отношением к тем тенденциям общественного развития, которые в рамках данной работы решено считать господствующими. Это приводит к довольно своеобразной си-

туации - большинство имеющихся сегодня глобальных прогнозов различаются не собственно прогнозируемыми явлениями или оценкой глобальных тенденций развития, а заявленным отношением к ситуации. В частности, президент знаменитой компании Microsoft Билл Гейтс, описывая в своей книге «Дорога в будущее» «информационную магистраль», которая, по его мнению, должна составлять основу экономики будущего общества, почти дословно повторяет некоторые положения Алвина Тоффлера. Своеобразие его работы лишь в том, что Гейтс не видит причин для шока от столкновения с будущим - по его мнению, абсолютно все предпосылки развития очевидны и человечество фактически готово к трансформации в информационное общество.

Разумеется, данные заметки не претендуют на полноту в обсуждении методологической базы исследований будущего. Для нас важно было показать, что ценностные ориентации авторов большинства футурологических исследований на сегодня оказывают более серьезное влияние на результаты их работы, чем те социологические закономерности, на которые они опираются. Суть футурологии не в том, чтобы предсказать будущее, а в том, чтобы определить отношение к нему отдельного человека. Таким образом, футурология не рисует картин будущего общества, а играет роль инструмента, благодаря которому современный человек может пережить будущее, оставаясь в «длительном», (социологическом, а не физическом) настоящем. В этом смысле футуролог, конечно, близок к философии экзистенциализма.

Библиографический список

1. Ясперс Карл. Истоки истории и ее цель // Ясперс Карл. Смысл и значение истории. М., 1991.
2. Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.
3. Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1962.
4. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.

В.А. Конев (Самара)

МУЗЕЙ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Музей!